

УДК 276+82.6

Архимандрит Зосима
(Шевчук Сергей Васильевич)

Archimandrite Zosima
(Shevchuk Sergey Vasilievich)

**АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО
НАСЛЕДИЯ СВЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА ЗАТВОРНИКА,
КАСАЮЩИЕСЯ ВРЕМЕНИ ЕГО ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ
И ЭКЗЕГЕТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЗАТВОРЕ**

**AUTOBIOGRAPHICAL NOTES FROM THE EPISTOLARY
LEGACY OF SAINT THEOPHANES THE RECLUSE,
CONCERNING THE TIME OF HIS TRANSLATION
AND EXEGETICAL ACTIVITY IN THE RECLUSE**

Аннотация. В статье содержатся заметки святителя Феофана по различным вопросам церковной и духовной жизни, написанные им во время его пребывания в затворе в Вышенском монастыре.

Abstract. The article contains notes of St. Theophanes on various issues of Church and spiritual life, written by him during his stay in the shutter in the Vyshensky monastery.

Ключевые слова: Святитель Феофан Затворник, Елагин Н. В.

Key words: Saint Theophan the Recluse, Elagin N. V.

В выборе темы сегодняшнего доклада мы руководствовались двумя факторами — внешними и внутренними. Первым является заявленная Владыкой митрополитом Климентом тема: «Святитель Феофан Затворник, 125-летие со дня кончины». Вторым — то, что, анализируя в июне месяце сего года толкование святителя Феофана на Послание апостола Павла к Филиппийцам, мы промыслительно остановились на 18 стихе 1 главы Послания: «Как бы ни проповедали Христа, притворно, или искренно, я и тому радуюсь и буду радоваться». Этот автобиографический отрывок из жизни апостола Павла — конец 1 главы Послания к Филиппийцам — показался нам знаменательным и дающим возможность обратиться к обстоятельствам жизни святителя Феофана в затворе, в период его экзегетической деятельности и работой над переводом аскетических трудов отцов Церкви, составивших впоследствии знаменитое Добротолюбие на русском языке.

Интересующая нас информация находится в «Собрании писем Святителя Феофана. Выпуск седьмой. Афонского Русского Пантелеимонова монастыря» М., 1900 [3]¹. В данном томе содержатся письма святителя Феофана к Николаю Васильевичу Елагину (12, по другим сведениям, 9). 08.1817–31.10.1891².

Характер писем позволяет судить об отношении Вышенского Затворника, епископа Феофана, к своему адресату. Не нося формально вида дневниковых записей, они отчасти приоткрывают нам «святая святых» замыслов и побуждений епископа, которые он высказывает своему «доброхоту», «добрейшему» Николаю Васильевичу Елагину.

Вышедший в отставку в чине действительного статского советника, Н. В. Елагин получил известность как издатель, редактор и писатель — историк и публицист. В своих письмах к нему епископ Феофан отвечает на некоторые его духовные вопросы (в частности, несколько раз отговаривает его от монашества под предлогом необходимости его деятельного присутствия в миру: «Вы вечно в хлопотах! И без отдыха, и без усталости! Ну, что же делать. Верно, такой уж ум вам дал Бог — многопопечительный. Трудитесь во благо. Нечего

¹ Электронный архив: <https://www.xpa-spb.ru/index.html>

² См. сведения о нем в Православной Энциклопедии. [2, с. 253–257].

смотреть на труды» [3, с. 13]; обсуждает события внешней и внутренней политики государства и Церкви, направления духовных тенденций в обществе.

Ученые насчитывают в общей сложности 235 писем святителя Феофана к Н. В. Елагину; последнее датируется 26 марта 1891 года, т.е. немногим более чем за полгода до смерти последнего. Как и было заявлено в теме, нас в основном будет интересовать материал, посвященный деятельности святителя Феофана как переводчика святоотеческих текстов и толкователя Священного Писания.

Святитель Феофан остро осознавал необходимость духовного просвещения в России. Отсюда — множество проектов, предпринятых им на этом поприще. Одни так и остались на стадии высказанных пожеланий и не исполнились; другие — как, например, опыт написания толкований к Посланиям апостола Павла или издания русского Добротолюбия — дошли до завершения.

В упомянутом нами седьмом выпуске содержатся письма святителя Феофана к Н. В. Елагину, начиная, «вероятно» (как указано в сноске издания [3, с. 10]), с 1856 по 1891 год, т.е. до кончины адресата святителя.

С самого начала тома (7-го выпуска Собрания) Феофан — епископ Тамбовский — делится с Н. В. Елагиним своими замыслами и принятыми уже занятиями:

«А про другие вещи — вы что-то написали не так. Нет у меня того, что вы поминаете. Есть только очерк Аскетики, который надо перебрать и переписать самому: ибо никакая мудрая голова не разберет, как написано. А эта работа не спеется. Начнешь — и бросишь! Верно, срок не пришел...» [3, с. 13–14].

«Нарочно выписываю все книги спиритов, чтоб ознакомиться с ними покороче. Трудно судить по отзывам других.

Между тем с материализмом тоже боремся. Так вообще порешить ничего не стоит, а как коснешься частных, куда как трудно. Много надо пересмотреть!.. И есть пункты замысловатые... Геология стоит на дороге, и есть большой камень, который не скоро сдвинешь, тем более, что трудно ее самую научить. Мы, провинциалы, что можем сделать. Следовало у вас там завести целое общество апологетов... И писать, и писать. А мы что можем?» [3, с. 18–19].

«Сижу за очерком аскетики. Давно он у меня лежит без призора.

Одну частичку уж просмотрел; но она была уже просмотрена и напечатана в «Тамбовских Ведомостях». Просмотрел еще немножко и распорядился перепискою. Вторую частичку начал сам переписывать, потому что очень многое приходится перечищать и переменять: давно писано. Так уж ровно — прямо набело. Что-то выйdet?

Кончив аскетику, возьмусь перечищать Патерик. У!.. Это страсть — книжица! Затылок ломить начинает, как только взглянешь. Но делать нечего — возьмусь; надо кончить, прежде чем браться за что-либо новое, хоть и то будет иногда делаться.

Завтра именинник Феофан. Прошение переписано и послано в Св. Синод в этот день. Слава Тебе Господи!» [3, с. 21–22].

В целом отрицательно относясь к протестантству и вообще к научно-богословским школам Запада того времени, святитель, однако, делал это не огульно, но различал их и давал меткие характеристики:

«Теперь я заготовил себе толковников кучу — самых крутоголовых — просто немцев. И начинаю налаживаться на толкование. Взял первое послание Петрово. Я вам скажу секрет. Уж какой это труд!!! Проповедку (проповедь — а. З.), как блин спечешь. А тут пучишь-пучишь глаза-то, насилу увидишь что-нибудь. Немчурки же все сумасшедшие! Уж как они толкуют, из рук вон. Этакие мудровальщики! Брался я однажды за Псалтирь. Немчурки все исковеркали, а упираются на еврейский текст. И надо, стало, взяться за еврейщину. Немножко пошло на лад. И будет, чтоб только разобрать куда гнуте, и куда надо. Дело за небольшим. Библии-то еврейской и нет. И не знаю, куда обратиться. Там, кажется, есть у вас в Питере агент Библейского общества и лавка. Если точно есть, то верно и еврейская есть Библия. Купите, пожалуйста, и пришлите. Деньги вышлю» [3, с. 14].

«Еще прошение. Вы — мой профессор по английскому языку — тем, что доставили мне самоучителя, весьма основательного. Теперь будете профессором литературы английской.

Крайнюю нужду чувствую в толковниках писаний и церковных историках английских. Чается, что они степеннее и богобоязненнее немцев, и глубже французов. Помогите мне в приобретении такого рода писаний. Разведайте, какие есть хорошие толкования (выделено в тексте письма — а. З.) Писания и хорошие церковные истории

на английском, и какой есть там получше богословский журнал — и скажите мне. Я закажу Л. Исакову выписать. Узнать вам у Ивана Терентиевича Осинина, академического наставника, нет ли там английских попов. Кажется, там есть в Питере некто Г. Мичел, секретарь английского посольства. Теперь не консул ли он? Сдается, будто было помянуто о сем в газетах. Он был у меня во Владимире, и из речей его видно, что он не чужд богословских понятий. Может быть, он знает. Всяко ухитритесь разведать» [3, с. 21].

Впрочем, сейчас, по прошествии почти полутора столетия, надо заметить, что, возможно, более положительное отношение епископа Феофана к англичанам было продиктовано веянием времени. Известно, что во второй половине XIX и в начале XX века значительно возрос интерес Церкви Англии к Православию (в т.ч. и к русскому), проводились двусторонние богословские встречи, направленные на выяснение путей к возможному присоединению Англиканства к Православной Церкви. Сейчас это уже невозможно.

Значительная часть писем, вошедших в том, затрагивает актуальную в то время и особо болезненную для святителя Феофана тему перевода Священного Писания на современный русский язык. Известно, что святитель был горячим сторонником того мнения, что перевод этот надо было делать не с еврейского (Масоретского) текста, а с греческого (т.н. «перевод Семидесяти толковников», Септуагинта). Мы, однако, не будем останавливаться на данной теме, считая ее слишком глубокой и многогранной, предназначенной для отдельного, более детального анализа, — м.б. даже в рамках отдельной Конференции, буде таковая угодна. Тем более что на многих прежних конференциях об этом уже было сказано немало.

Отметим лишь, что горячее желание святителя Феофана иметь в Русской Церкви перевод Священного Писания на русском языке, сделанный с греческого, частично осуществлен «великим научно-церковным подвигом» (по мнению проф. Глубоковского) проф. Павла Александровича Юнгера (1856–1921). Павел Александрович в начале XX века предпринял труд по переводу на русский язык Книги Притч, Псалтири, Екклесиаста, Песни песней и полного корпуса Пророческих (Больших и Малых) Книг Ветхого Завета (перевод Книги Бытия (гл. 1–24, сделанный в 1917 году, к сожалению, не сохранился)).

Псалтирь в переводе проф. П. А. Юнгера неоднократно переиздавалась, как полностью, так и только в виде текста перевода, без научно-критического аппарата к переводу. В таком виде она часто носит название «Учебная Псалтирь в переводе с греческого П. Юнгера» (названия изданий варьируются). Книга получила достаточную известность и полюбилась многими христианами.

«Критическое издание переводов (билингвой с церковнославянским текстом, с большим научным аппаратом) в 2006–2012 гг. осуществил А. Г. Дунаев (в Издательстве Московской Патриархии)»³.

Вот еще письмо — как нам кажется, знаменательное по тематике. В нем, по объему, больше говорит ученый:

«Виноват! Относительно рукописи греческой я был той молвы, что она должна возвратиться ко мне. А перевод в ваше распоряжение. Рукопись та вместе с другими моими книгами должна поступить в какую-либо семинарскую или академическую библиотеку. Как я худо объяснил это вам, не понимаю; виноват.

Относительно сборника отеческого или старческого — мы сошлись с вами. Выбирая изречение св. Антония из латинского старечника (Отечника — а. З.), я пришел к мысли что было бы очень полезно составить сборник из разбросанных изречений и сказаний, куда бы все вошло, что в той греческой рукописи, что сверх того в Лавсаике и Лимонаре и в Истории боголюбцев. Но распоряжение я строил не то, что вы придумали.

Если согласитесь, в таком случае шлите все ко мне, т.е. не греческую только, но и переводную рукопись. Прочие книги все есть. Сяду и разграничу все. Пройдет месяц-другой. Это только указание. По ним засажу монахов выписку делать. Это потребует побольше времени. Но поспешим. Мне это очень желательно уладить. Все сие по окончании будет вручено в ваше распоряжение».

Однако в том же письме мы чувствуем любовную нежность к монашеской жизни:

«Повидали теперь монастыри и видите, что на них есть еще благодать Господня. Да, есть, и много-много у нас настоящих обителей, где под добрым надзором зреют чада Божии. А плода сколько от них

³ См. сведения о проф. П. А. Юнгере в Википедии: https://ru.wikipedia.org/wiki/Юнгер,Павел_Александрович

на окрестность! Ведь кричат все те, которые не видали монахов — только сборщиков и сборщиц, что в Питере и Москве. При всем том, однако ж, надо сознаться, что если бьют нас, монахов, то потому что мы сами подставляем бока. Надо бы пугнуть немного. Но и Господь есть, все правящий» [3, с. 22–23].

Через месяц (предыдущее письмо датировано 17 марта; данное — 16 апреля) святитель Феофан пишет своему адресату новое письмо, в котором автор откровенно делится своим молитвенным опытом:

Спрашиваете о молитве самого плохого молитвенника.

Как я молюсь? Всячески стараюсь в час молитвы быть в том убеждении, что Бог вездесущий есть и тут, где мое сознание, и что Он видит и слышит не слово только, — произносимое или нет, — но и всякое движение мысли, и особенно чувство. Образа же всякого избегаю, как это ни трудно. Когда приходит молитва с чувством, тогда никакого труда нет держать безобразность в молитве, это дает разуметь, что безобразность в молитве есть настоящее дело, — и что для достижения сего надо добиваться до молитвы сердечной, — и стало из головы сойти в сердце. Как этого достигнуть, прописано в письмах по поводу писем Сперанского (я просил Аскоченского доставить вам. Доставил ли?).

Также — не надо душою воображать ни Божией Матери, ни святых, ни ангелов. А и им молиться в том же убеждении, что слышат. Как слышат? Что об этом рассуждать. Слышат, да и только.

Положим, такое различие, что для работ умовых (умственных — а. З.) нужны образы; они и есть в Писании о Боге Самом и всех вещах божественных. И воображение есть способность умовая (умственная — а. З.), знательная (познавательная — а. З.). Воображение — способность формировать, и удерживать образы — есть способность чернорабочая, самая низшая! Уж поэтому — не след ему позволять являться с своими образами в высшую область, какова молитва. Умосозерцательная деятельность высока, а духовная — в молитве, проявляющаяся еще выше. Куда туда поспеть воображению. Вот где прилично: «друже, како вшел еси семо?»

Так, когда рассердитесь, воображайте, а когда молитесь, отгоняйте все образы. Если допустите образы, то есть опасность — начать молиться мечте. Можете вы сказать, что образ, какой держите в уме — выражает истину? Вот и нельзя, следовательно, надо навыв-

кать — безобразности, но путь один — сердечная молитва. Ум же без образов едва ли может быть»⁴.

В этих словах нам видится прямая параллель и общность опыта другого подвижника благочестия и опытного молитвенника, блаженного старца архимандрита Софрония (Сахарова), как он его выразил в своей духовной автобиографии «Видеть Бога как Он есть»:

«Милость Бога ко мне выразилась в том, что Он даровал мне мощный порыв покаянного страдания, которое увлекало меня в ненасытимую молитву, — такую, что душа все забывала, ни о чем не помнила, но неудержимо тянулась к Богу невидимому, но любимому, неведомому, но знакомому, недостижимому, но близкому. Не найду я слов для описания дарованного мне Господом богатства» [4, с. 24–25].

Архимандрит Софроний там же пишет также и о вреде воображения:

«Факт боговоплощения занимает центральное место во всей истории человечества, во всем мироздании. Сие Событие опрокинуло все человеческие попытки познать Безначальное Начало идущими снизу усилиями, путь подчас и кажущимися гениальными. Теперь мы научены избегать приписывать Богу порождения нашего земного ума и болезненного воображения. Все наши идеи, все наши признания или отвержения не могут изменить Бога в Его извечном Бытии (ср. Ис. 55:8–9)» [4, с. 187].

Далее епископ Феофан предлагает еще один духовный просветительский проект:

«Для народа составить книжку о молитве, не дурно, но этот предмет — надо выпустить. Я думаю, что когда кто из народа молится с чувством, у него нет образов. Всяко об этом лучше не говорить. Бог просвещает умы, и когда кто в молитве приближается к Нему, Он Сам его научит, как держать ум в молитве.

Помнится одно сказанное о старце, который всегда образно представлял Бога. Когда ему растолковали, что так не следует, он сказал: вы отняли у меня Бога. А у него отняли не Бога, а мечту его» [3, с. 25].

⁴ Собрание писем святителя Феофана. Выпуск седьмой. Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. М., 1900. Письмо 1063. Сс. 24–25.

Его Высокопреосвященство митрополит Климент в своем Слове к читателям первого тома «Летописи жизни и творений святителя Феофана, Затворника Вышенского» отмечает, что в Вышенскую пустынь Шацкого уезда Тамбовской епархии святитель прибыл 3 августа 1866 года [1, с. 21].

В нашем томе под номером 1065 мы находим письмо, датированное «сент. 66 г.», т.е. «сентябрь 1866 года». Это — первое письмо из нового и последнего места жительства святого. Вот его первые впечатления:

«Благодарствую за хлопоты об упокоении меня. Пенсия нужна. Обитель небогатая. Не нищенствуют, но и лишнего не имеют. Здесь строгое общежитие. Основательных денег мало. Большая половина добывается сбором. Из сего видно, что управление, к коему надо приложить и заботу о содержании обители, доставлять будет много хлопот и беспокойств скорбных. Сего ради созрело уже у меня намерение отказаться от управления обителью, прося только, чтоб квартира была, какую теперь имею, и поправки к ней и переделки сделал монастырь, чтоб к столу нужное доставлял монастырь (ибо мне самому почти нет возможности сие делать — 25 верст от города), чтоб служить мне беспрепятственно, когда захочу, чтоб лошадей давали. Я уже собирался писать и не знаю, дождусь ли вашего ответа. Думаю написать о сем митрополиту частное письмо, прося, чтобы на основании его решения последовало мое в Синод прошение.

Мне здесь крепко хорошо. Порядки здесь истинно монашеские. Из братии есть лютые подвижники. Образчик — 80-летний старик — никогда не присядет в церкви и ворчит на других за это. Служб же у нас наберется часов на 8–10. Начинаются с 3 часов утра. Последняя бывает в 7 часов вечера. Пение саровское. Если удосужитесь когда, сами узрите; тогда порешите, нет или есть кончать здесь дни свои.

О. Лаврентию всечестное почтение. Я думаю, он наворчит, что пошел на покой. Давно сказывал: «Что такому архиереишку торчать между настоящими архиереями. Убрался! Слава Тебе, Господи!» Поклон ему до земли...

Ваш богомолец на-покойный Е. Феофан» [3, с. 27–28].

Дата этого письма неизвестна, но следующее письмо датировано точно — 14 сентября 1866 года и содержит мысли святителя об устройстве на новом месте. Но это еще не все. Для нас оно интересно тем, что в нем есть очень важная приписка в самом конце:

«На Воздвижение написал прошение с отречением от управления обителью и посылаю завтра на почту. Тут же прошу о пенсии... Как мало пенсии дадут — с голоду умрешь. Возьму палку и пойду по окнам — и к вам зайду... высоко живете, и не услышите. А недаром на Воздвижение пришлось писать. Верно, крест себе воздвигаю. Воздвигнуть не мудрено, понесть-то как.

...Думаю подготовить проповеди к изданию. Выйдет книжец три. А денег нет. Не возьмется ли какой купец издать, и, если возьмется, на каких условиях. Плохой сбыт проповедям-то. Едва ли кто согласится! А попробовать не мешает. Или самому издать — хоть взаимы? Как думаете?

Мне хорошо. Дюже хорошо. Переводить начал Добротолюбие — с греческого» [3, с. 28]⁵.

С этих пор, насколько позволяют нам письма святителя Феофана, мы можем отчасти следить за ходом его перевода сборника. Готовый в своем окончательном виде, он предстанет перед читателями как огромное монументальное полотно. В письмах к Н. В. Елагину мы — с позиций нашего времени — угадываем знакомые уже нам контуры, как этюды, набрасываемые автором. Новые мысли приходят в процессе работы; что-то добавляется, что-то, уже подготовленное, в какой-то момент оставляется и не входит в окончательную версию... Преосвященный мыслит, работает — он живет. Это становится его состоянием, опытом; и вот как он видит опыт христианской жизни:

«Милость Божия буди с вами! Благодарствую за вести. Теперь совсем отрезан; только кейфовать.

Для совещания с древними уставами довольно тех переводов, что вы у меня взяли...

О письмах Климента... Они не к девственницам, а о девстве вообще...

В последнем издании св. отцев... помещены самые письма...

Во 2 книге помещены несколько слов о порядках жизни в Тавенисиотских женских монастырях св. Пахомия...

Но все надо сказать, что самый опыт (выделено нами — а. З.) лучше всех книг» [3, с. 29–31].

⁵ Слово *Добротолюбие* выделено в тексте.

Святитель отказывается от переезда в Саров. Одновременно с работой над Добротолюбием делится мыслями о других своих проектах. Работать одному очень тяжело; он сетует на это:

«В Саров мне не рука... Переезд будет стоить рублей триста, или больше, а у меня и 30 — нет. И покоя там такого не будет, как на Выше. По духу же это — маленький Саров.

Что делаю? Только что кончил заметки на 33-й псалом и отослал в Тамбовские Епархиальные Ведомости», чтоб посмотреть, что скажут, и хорошо ли так писать заметки на Псалтирь, или переменить надо тон. Псалом этот — Благословлю Господа на всякое время. Будет ли хорошо, а написано много.

...Скажите, пожалуйста, у вас есть время? Спрашиваю это того ради, что у меня нет времени. Не успеешь повернуться уже обед, а там и спать. Откуда это напасть — не обман ли? И искушение какое? Или смерть скоро — что раздельность и протяжность времени станет все будто в точку. Всяко полагаю, это не худо. Только у скорбящих долго тянется время Слава Тебе Господи, слава Тебе.

...Поклонитесь знакомым, а паче Богу помолитесь» [3, с. 33–34].

«Латинцы много нашли писаний св. Антония великого — переведены с арабского. По складу похожи на известные нам. Но темнота перевода страшная. Копаешься-копаешься. Уж отложил на время св. Антония — отдохнуть.

Перевожу следующих по Добротолюбию греческому — Аввы Исаии. И у этого опять целая книга есть, кроме того, что содержится в Добротолюбии. А кассиановских писаний — одного его — с Добротолюбия будет.

И конца нет. Вот где чувствуешь — дух бодр, плоть же немощна. Сядешь и думаешь: ну — махну всего Антония великого. Туда-сюда, хватъ — десять всего строк. А уж уморил — и пойдешь походить, чеша затылок.

Убирайтесь поскорее с своими делами, да в келлию, и начнем вдвоем. Или еще сговоримся с Оптинцами, и будет целое общество. Тогда веселее будет. Один одну строчку, другой другую... Глядишь — и книга есть. А один-то копаешься-копаешься!

Да ведь что скажу!.. Сочинять легче. Там речь течет как по маслицу. А тут в переводе то и дело точка с запятой. Перефразить не хочется, а статью подлаживать — время надо.

...Не забывайте помечать новости. Пока жив человек — и в пусты-

не любопытствует о мире и движениях его. Но я воистину райствую в пустыне. Не сглазить бы, а если так будет, вижу бездну милосердия Божия не по грехам моим воздается мне» [3, с. 35–36].

«Первую часть кончаю, ныне завел переписки только... Потом начну понемногу устав — с Пахомиева до Василия великого и Кассиана. Между тем надо готовить и толкование» [3, с. 42].

«Сборник скоро закончу. Пока будут печатать сию первую часть — вторую подготовлю, собственно Уставы.

Сборник мой, если охота, загадан на многие томы, чтоб составила монашеская библиотека. Купи — и довольно. Все тут будет.

...Вот на следующий год будет новое — 118 псалом, на каждый стих маленькое рассуждение. Об этих верно владыка милостивый не скажет того, что сказал о тех. Ибо тут все слабо.

...Мне приходило в голову поехать на Афон для перебора отечников — не найдутся ли писания Аввы Исайи отшельника, недостающие Марка Аскета, Евагрия и других. Где-нибудь может быть запали в уголку. Исайи-то целая книга — 29 слов — пойдет в сборник, но с латинского перевода, но тут много значит аскетическая терминология, которая у латинян иная — и можно не попасть» [3, с. 43–44].

В одном из писем мы находим строки о состоянии здоровья святителя:

«Лекарства ваши получил. Благодарствую. Тем же днем и употреблять начал. Не знаю, что выйдет. Всяко, так как обычные свои приемы лечиться я употребляю с отдышками, то ваше пойдет в промежуток, к которому и подоспело. Даруй, Господи, облегченье. Я и вижу его немного. Но припадки все остаются. Особенно это отбитие рук и ног и холоданье их с тяжестью в голове — так часты. Се и нынешний день почти весь. Я ведь употребляю содовую воду, искусственно приготовленную вместо питья. И сверх того носил компресс холодный на ночь. Теперь все это прекращаю и посмотрю, что выйдет из вашего. Худо станет — брошу. А лучше — исполать» [3, с. 38].

Несколько мыслей об Афоне и о своей жизни в течение первых лет затвора:

«Меня-то как же вы на Афон? Мысль приходит, но дело с моею ленистиею как сделать? Если б здесь уснуть, а там проснуться — дело. Сейчас бы махнул. А то — у! у! у! даль какая! Я не прячусь, но когда-то мысль созреет в желание и желание в решимость!» [3, с. 44–45].

«Что вам делать на Афоне?! На Афон съездить — что конфетов поест; а то, что вы делаете — есть щи да каша, без каши жить нельзя» [3, с. 46].

«Здоровье мое — слава Богу. Воздухом буду пользоваться с балкона. Ведь это то же, что в лесу гулять!» [3, с. 48].

«За предложение пантелеимоновцев благодарствую. Но ведь туда надо направляться святым, а грешить-то и на Выше удобно. Так какая нужда переселяться? А вы не загадывайте скоро на покой. Пока есть силы — толкитесь и делайте. Выбьетесь из сил — тогда где-нибудь можно прикрыться, около обители. Путь ваш другой — деятельный. Придет срок — сядете.

...Сижу и корплю. Скоро, или нет — не знаю — скорплю; но поспешаю поскорее кончить послания св. Павла, чтоб сесть потом, выправить и издать. Вопрос — как это сделать? Хоть рано еще думать, но, может быть, к концу следующего года и начать можно. Я очень спешу. Следовательно, ничего загодя подготовиться.

Одна красавица намекала, что даст на издание первого тома денег — хоть бы это было до 1.000 рублей. Возьмитесь, пожалуйста, издавать... Мне деньги совсем не нужны. Лишь бы издание было подешевле и потому порасхочее, т.е. чтобы шире разошлось.

Я толкую шестое послание — к Коринфянам 1-е. Нынешний год, думаю, много протолковать, может быть и все порешить. Гораздо короче дело идет, чем Галатское и Ефесское послания. И больше отеческая речь, чем моя.

Зато от всего отказался. Ничего не читаю. Только газеты посмотрю мельком. План-то мой велик. Весь Новый Завет протолковать. А потом Псалтирь, а далее — Притчи... и умирать Дума за горами, а смерть за плечами.

Здоровье мое не што. И грехи все идут своим порядком.

А спастись когда? Да уж и некогда. Я нарочно печатаю, что придумаю — напачкать — в той мысли, что прочитает кто, разблажится и поклончик положит. Авось, милостивый Господь за мною лентяем зачислит этот поклон. Святым лучше скрывать и писания, и имя. А грешному мне лучше так.

Вот и праздник. Поздравляю с Рождеством Христовым, и в новый год новых вам сил желаю. Будьте здоровы и веселы!» [3, с. 49–51].

В 1875–1876 годах году Владыка продолжает усиленно работать

над толкованием Священного Писания Нового Завета (продолжается работа над Посланиями: к Римлянам, Коринфянам, Галатам, Ефесянам, Филиппийцам, упоминает он и Втором послании к Солунянам). Горячо отзывается святитель Феофан на известия о новой войне с Турцией и о планах сектантов (штундистов) по завоеванию себе на этой почве новых умов и душ православных. Новые идеи, появляющиеся по ходу работы над толкованием Писания и переводу, становятся новыми планами для продолжения деятельности после окончания толкования.

«Сколько вы меня обрадовали, дав слово потрудиться над изданием толкования. Ну, теперь только надо спешить окончанием. Прежде же окончания всех нельзя начать, ибо встречаются вещи, кои сказывают, что в прежних толкованиях иное надо переправить. Я, впрочем, напрягусь, да покороче самое толкование пишу — вот, и поскорее к концу доспею.

Сделана только, может быть, треть дела. Авось! Ну, что за беда?! Не успею в этот год — другого прихватим.

О барышах после потолкуем, что с ними сделать, если будут.

Патерик издать! Вот что мне пришло на ум! ...составить свой сборник по своему плану со строгим разграничением. Под каждым заглавием делать обзор помещаемых под ним статей. У меня давно вертелось в голове нечто подобное, а теперь это совсем сформировалось, — и ожидает исполнения. Год возьмет. Это будет год роздыха по окончании толкования посланий.

...Что такие большие владыки одобряют толкование (Новозаветных Посланий — а. З.), это очень одобрительно. Но дальше пойдет короче, — и может быть уж не похвалят.

Будем, впрочем, делать, что можем» [3, с. 51–52].

Работа воодушевляет святителя; размах того, что он хотел бы исполнить, грандиозен для одного человека, но в тоне его писем чувствуется радость человека Божия от возможности — творению — приносить хвалу своему Творцу:

«Буду тянуть песню, но немного покороче... Выполнить все так жизни не достанет. Но и то сокращенное толкование, — какое дано двум посланиям — к Филиппийцам, и особенно к Коринфянам первому, тоже не пригоже. Буду как-нибудь держать середку на половине. 2 к Коринфянам начато, две главки кончены. Что Бог даст дальше. Поплетемся понемногу. Авось и это кончим скоро.

Все вами прописанное — куда как хочется исполнить. Но уж хаты не отворю пока не кончу. А умру, так и быть. Господи помоги!

На Евангелия не толкование надобно писать, а размышления, — чтобы каждое слово и каждое движение Господа было торжественным свидетельством Его Божества. Когда Бог даст, начнем сию хвалебную песнь Господу, то ей конца не будет. О, когда бы хоть начало положить сему делу?!

...Что касается до деятельности, то всю заботу надо обращать на чистоту намерений, и тотчас поправлять, коль скоро прокрадутся какие недобрые.

Затем стараться сколько можно чаще вспоминать о Господе. Вот и все. Вот ваш монастырь! Другого не ищите! Он не построен для вас! » [3, с. 52–53].

«Послание к Коринфянам первое идет в «Душеполезное Чтение». Второе тоже толкуется, и одна часть уже кончена — 7 глав. Чем лежать, так печатал бы какой журнал. В печати виднее недостатки и излишества.

...Но и то приходит: ныне, завтра смерть. Умрешь, — все так пропадет. А то хоть в журналах напечатается. Как прикажете, так и делаем. Будьте старцем в сем деле. Но я сию, — и спешу к концу. Все думается, что успею в этот год порешить все послания. Не успею, — дай Бог еще один годик пожить, чтоб кончить» [3, с. 55].

В те же 1875–1876 годы святитель Феофан тщетно пытался защитить мысль о переводе Священного Писания с греческого языка. Раздражался, предрекал раскол, писал статьи. Его не слушают. Наконец 4 октября 1876 года пишет:

«Споры мои по Библии кончились. Всякую охоту потерял бороться. И более писать не стану» [3, с. 95].

Сам о себе пишет очень скромно. Пишет письмо, начинающееся выражением благодарности за известие о стоимости английской переплетной машины. Составители сборника отмечают:

«Переплетное дело очень интересовало епископа Феофана, о нем он говорит в нескольких письмах. Когда он сам стал им заниматься, неоднократно он пишет о высылке приборов для тиснения на переплетах различных священных изображений и фигур...». Преосвященный говорит о значении рукодельных занятий в его жизни:

«Переплет мне нравится более всех других рукоделий. Без работы

же умрешь. Когда писать не хочется, сейчас скука. Возьмешься за работу — и все пройдет. Да и при охоте писать, нельзя писать без перечь. Есть часы, которых некуда девать, — именно послеобеденные... Спать — дурно. Шататься некуда. Читать не всегда можно, ибо и так много чтения. Вот и надо работать. Столярничать бы хорошо, да могуты нет; там сила нужна» [3, с. 54].

...Что я делаю? Бью баклуши. Вот от чего! Кончил чрез силу 2 к Коринфянам. Приступил к Римлянам. Такая тупость напала и бессердечие, что и интерес весь пропал, и мысли нейдут, и перо не ходит. Думаю, что это от того, что целый год и более все за одним делом. Стерляди да стерляди, — и приелось. Бросим на несколько времени» [3, с. 58].

«Пишу только утром, и редко когда больше одного стишка напишешь. А три, так уж когда-когда, — разве уж задор слишком возьмет.

Ведь вот все леность. А то надо бы сборник догматический сделать. Стали у нас умствовать о Пресвятой Троице и о воплощении Бога Слова, и умствуя нелепость заводят.

...Сесть бы, да собирать. А матушка леность не велит. Что будешь делать? Впрочем, может быть, соберусь с духом, и прогоню эту к... Измучила она меня» [3, с. 113–114].

Между тем, с окончанием работы над первым томом Добротолюбия, начинаются работы над вторым.

«И вздумал между делом приготовить второй том русского «Добротолюбия». Первый уже готов. Там Антоний вел., Макарий вел., Марк подвижник, Исаия отшельник, Евагрий. Все пустынники. Во втором будут все уставщики общежительные. Св. Пахомий, Василий вел., Кассиан, св. Венедикт, и другие тут между ними. Порядочный томик соберется. На этом я отдыхаю, — хоть и тут труд не малый. Св. Пахомия надо написать вновь устав по тем чертам, какие есть в его житии — и в уставе, переведенном Иеронимом. И из Василия великого тоже надо вновь написать устав, по системе — это труд! А св. Кассиана перевести большой труд; ибо его латынь премудренная — мудрость. Св. Венедикт чай проще. Помогите только Господи. Занятие приятное! Надо полагать, что не бесполезно будет знать, как стало монашество в начале» [3, с. 58].

«Что вы спрашивали о Добротолюбии, — что туда войдет? Все то,

что есть в нынешнем Добротолюбии, с дополнением пропущенных отеческих писаний о подвижничестве. Из тех отцов, которые переведены, делать экстракт — в виде теорий подвижничества; так взять из св. Ефрема, Исаака Сирина, из Варсонофия, из св. Златоуста, из Нила. Лествицу вновь перевести с прибавлением всех толкований, Аскетические писания Максима исповедника, Феодора Студита, Симеона Нового Богослова. Из всего этого считаю соберется томов 10. Один ведь уж в ходу; другой наготове — уставы св. Пахомия, св. Василия, св. Венедикта — уже переведены, — устав Кассиана переводится. Это все составит том толстый, или может быть два не толстых» [3, с. 63–64].

Работа над переводом св. Иоанна Кассиана Римлянина затормозила формирование списка трудов отцов, которые должны были войти во второй том Добротолюбия. Вопрос встал в объеме материала и изначальном желании епископа Феофана объединить вместе с этим автором и тексты древних иноческих уставов. За это время творения Кассиана переводятся другим лицом и выходят в печать; планы меняются:

«О составителе Добротолюбия не надо писать, и поминать. Пусть идет — будто труд Афонских старцев. Это будет впечатлительнее. Второй выпуск — я думал составить из уставов Пахомия, Василия Великого, св. Венедикта и Кассиана. Теперь вижу, что Кассиан один составил большую книгу. Потому те три устава нужно печатать особо. И составят они второй выпуск, и Кассиан будет третий. Что дальше, увидим» [3, с. 86].

«Во второй том сборника (Добротолюбия — а. 3.) предполагаются уставы. Они уже готовы — св. Пахомия, св. Василия Великого, св. Венедикта. Сюда же думал и св. Кассиана. Но его писания одни составят целый том; потому его лучше особо отпечатать или яко 3-й том, или яко второй выпуск второго тома. Сие якоже изволит издатель» [3, с. 93].

«Уставы готовы. И прозевали мы. Вон св. Кассиан переведен и уже печатается. Некий владыка Петр перевел и издает. Но горевать нечего. Это для нашего сборника лучше. Я выберу, в таком случае, из него сущность его учения о подвижничестве и духовном преуспевании. И короче, и полезнее. Там есть широкие слишком рассуждения, для нас не совсем нужные» [3, с. 94].

Война с Турцией и активизация деятельности штундистов в силь-

ной мере занимают святителя на покое. В переписке за 1877–1878 годы почти не находятся упоминания о переводческой деятельности.

Заметка из письма от 8 января 1879 года: «Вы понукаете на догматический сборник и Псалтирь. Это дальние загадки. Теперь на плечах — толкование посланий св. апостола Павла. Докончить, перечистить, и приготовить в печать. Тогда и на прочее переходить. А тут лень. Я загадываю то, и то; а бес лени сидит на плечах и скалит зубы: «Толкуй, толкуй! Будет не как ты загадываешь, а как я захочу». И никак я его пересилить не в силах» [3, с. 116].

И последнее письмо, которое мы процитируем сегодня. С него начинается иной период и в переписке святителя Феофана с Н. В. Елагиным, и в жизни самого Владыки:

«У меня правый глаз закрывается. Сначала я не обращал на это внимания, но теперь начинаю робеть. Глаз наполовину слабее левого. Се — как пишу, все ясно. Но если оставлять в том же положении, прижмуря левый глаз, то правый не может читать написанного. Нужно приблизить его к бумаге наполовину, тогда он разбирает; но писанное все же не так ясно. Что это? Боли никакой нет, и никакой тяготы. Верно, это растет катаракт» [3, с. 117].

Много написано Преосвященным святителем Феофаном — многие тома, в них, образно говоря — миллионы слов, которые вышли из-под пера человека, разум коего был просвещен благодатью Божией. Но вот слова о знании и вере, начертанные им самим:

«Вера — не всезнание, а лишь верное знание и обладание тем, что необходимо для спасения. Вера спасает и мудрецами делает лишь в деле спасения. Прочая мудрость бывает ли при ней, или не бывает — дело безразличное» [3, с. 111].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Летопись жизни и творений святителя Феофана, Затворника Вышенского (1815–1894). Т. I. 1815–1859. Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви. М., 2016.
2. Православная энциклопедия. Т. 18. М., 2008.
3. Собрание писем святителя Феофана. Выпуск седьмой. Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. М., 1900.
4. *Софроний (Сахаров), архим.* Видеть Бога как Он есть. СТСЛ — Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь, 2016.